

Годъ изданія девятый.

АВГУСТЪ.

№ 19.

1916.

XII $\frac{45}{10}$

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ЛѢТОМЪ (стих.).

СТАРИННЫЕ ЧАСЫ (сказка).

ЗА ТАИНСТВЕННОЙ ДВЕРЬЮ (по
вѣсть).

ВОТЪ И АВГУСТЪ!.. (стих.).

ЦАРИЦА ПЧЕЛЪ (изъ жизни улья).

ГОЛОВОЛОМКИ.

РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Столовая—для склеиванія.

«Проказники» — картинка.

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

1918

№ 10

1918

ОТЧЕТ

№ 10

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЧЕТ (ОТЧЕТ)

ОТЧЕТНЫЕ РАБОТЫ (ОТЧЕТ)

ОТЧЕТНЫЕ РАБОТЫ (ОТЧЕТ)

ОТЧЕТ

ОТЧЕТНЫЕ РАБОТЫ (ОТЧЕТ)

ОТЧЕТНЫЕ РАБОТЫ (ОТЧЕТ)

ОТЧЕТНЫЕ РАБОТЫ (ОТЧЕТ)

ОТЧЕТНЫЕ РАБОТЫ (ОТЧЕТ)

ОТЧЕТНЫЕ РАБОТЫ (ОТЧЕТ)

ОТЧЕТНЫЕ РАБОТЫ (ОТЧЕТ)

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Вѣрный другъ.

Л Ъ Т О М Ъ.

На грядкахъ ягоды поспѣли,
Изъ-подъ листовъ такъ и глядятъ;
Ихъ дѣти ѣли, ѣли, ѣли
И до сихъ поръ еще ѣдятъ.

А тутъ поспѣлъ горохъ стру-
чистый—
Улада маленькихъ сердець,
А тамъ—крявенькій, душистый,
Глядитъ ужъ свѣжій огурецъ.

Тамъ маки яркіе, тутъ кашка,
А тутъ редиска и салатъ,
Тамъ мята спѣетъ, здѣсь ромашка,
А здѣсь ужъ яблоки глядятъ.

И такъ прекрасно все въ природѣ,

Такіе всюду тишь, покой,
Что дѣтямъ любо въ огородѣ
И не загонишь ихъ домой.

И въ шутку скажешь:— „Вы,
стрекозы!
Мы завтра въ городъ!.. Живо
спать!“.

Начнутся крики, дѣти въ слезы,
Заплачутъ такъ, что не унять.

Не любятъ города ребятки,
Онъ чуждъ ихъ ангельскимъ
душамъ.
Имъ любы поле, лѣсъ и грядки,
Имъ любо бѣгать по лугамъ.

Ирисъ.

СТАРИННЫЕ ЧАСЫ.

СКАЗКА.

Николай Ѡмичъ затворилъ по-
плотнѣ за собою дверь, снялъ
съ себя пальто, стряхнулъ съ не-
го снѣгъ и, щурясь отъ лампы,
вошелъ въ комнату. Склонившись
у топившейся печки, сидѣла его
жена, хмурая, о чемъ-то долго ду-
мавшая.

— Ну? спросила она мужа.

Николай Ѡмичъ подошелъ къ
печкѣ и прислонился къ ней спи-
ною.

— Ничего не вышло, отвѣтилъ
онъ угрюмо.— Григорій мнѣ отка-
залъ. Онъ не далъ мнѣ займы ни
одной копейки. Завтра праздникъ,
нечѣмъ его встрѣтить, а онъ толь-
ко прочелъ мнѣ нравоученіе, какъ
надо жить, и повернулся ко мнѣ
спиною.

— И это родной братъ! вздох-
нула жена.

Николай Ѡмичъ подсѣлъ къ
ней и оба, рядкомъ, еще

долго, молча, просидѣли передъ печкой.

— А вѣдь какъ тетка Софья обѣщала намъ обезпечить нашу Катю! начала опять жена. — Передъ самой своей смертью, уже на смертномъ одрѣ, она подозвала меня къ себѣ и сказала: — „Анна Петровна, ты не безпокойся, вы не будете нуждаться ни въ чемъ; я обезпечу вашу Катюшу!“ Нечего сказать, хорошо обезпечила! Кромѣ кое-какой мебели, да вотъ этихъ громадныхъ часовъ не оставила ничего. А къ чему они? Только мѣсто занимаютъ!

И она указала на большіе старинные часы, которые, точно цѣлый шкафъ, стояли у стѣны и мѣрно покачивали маятникомъ. Для того, кто понималъ въ часахъ толкъ, эти часы могли-бы показаться прямо замѣчательными: они показывали фазы луны, мѣсяцы, числа и дни недѣли, вмѣсто цѣпей въ нихъ были хитро сплетенныя веревки и били они какъ-то особенно звонко.

— Ну, для чего намъ эти часы? продолжала съ горечью хозяйка. — Что намъ съ ними дѣлать?

И точно ей въ отвѣтъ, часы медленно, звонко и степенно стали бить.

— Девять часовъ... вздохнулъ Николай Ѳомичъ. — Пора-бы поужинать, да и спать...

— Да, отвѣтила ему жена. — А завтра проснемся — и опять все то-же...

Оба глубоко вздохнули.

— А Катя уже спитъ? спросилъ Николай Ѳомичъ.

— Да, что-то затихла, отвѣтила жена. — Должно быть, уже заснула!

Катя была очень красивымъ ребенкомъ, похожимъ на куколку: пухлыя румяныя щеки, большіе голубые глаза и всегда улыбавшіяся губы обращали на себя всеобщее вниманіе. Она всегда была весела, вѣчно распѣвала и отличалась необыкновенною способностью на проказы. Но что бы она ни напроказила, что-бы ни затѣяла, все у нея отличалось своеобразнымъ чисто дѣтскимъ остроуміемъ и ея шалости и выходки вызывали у родителей только веселый смѣхъ и лишніе поцѣлуи. Мать ее обожала, отецъ былъ отъ нея безъ ума. Казалось, она вносила въ ихъ хмурую, вѣчно отягченную заботами, жизнь свѣтлую радость и была отблескомъ того счастья, о которомъ каждый изъ нихъ втайнѣ мечталъ. И думая о ней, они еще долго просидѣли у огня и молчали. Затѣмъ мать помѣшала въ печкѣ и закрыла трубу, а отецъ поднялся, размялъ спину и заходилъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ.

— Иди ужъ спать! сказала ему жена. — Авось, какъ-нибудь Богъ поможетъ!

Онъ пошелъ въ сосѣднюю комнату, перекрестилъ и поцѣловалъ Катю, послѣ него то-же самое сдѣ-

лала и его супруга—и затѣмъ вся квартира погрузилась въ молчаніе. Всѣ заснули и только одни старинные часы бодрствовали за всѣхъ и отбивали свои мѣрные: „тикъ-такъ“, „тикъ-такъ“...

Среди ночи Катя проснулась. Было темно и холодно. Ей приснилось, будто къ ней пришелъ какой-то старичокъ, приподнялъ съ нея головы край одѣяла и ласково-ласково сказалъ ей, что если она не будетъ подсматривать за нимъ, то онъ принесетъ ей много игрушекъ. Она вскочила на кровати, но старичка уже не было. Ей ужасно хотѣлось имѣть хоть одну какую-нибудь игрушку и было досадно, что старичокъ ушелъ отъ нея такъ скоро. Но почему же она не слышала, какъ онъ выходилъ отъ нея и какъ затворилъ за собою дверь? Что, если она побѣжитъ сейчасъ за нимъ, догонитъ его и попроситъ его принести ей маленькій самоварчикъ, который можно было-бы растапливать настоящими лучинами и углями?

И она сбросила съ себя одѣяло, кое-какъ натянула на себя чулки, панталоны и лифчикъ и выбѣжала въ сосѣднюю комнату.

Въ ней не было никого. Черезъ дверь слышалось слабое храпѣніе ея папы и посапываніе мамы, а у стѣны стояли старинные часы и мѣрно продолжали свою вѣчную работу. Свѣтъ отъ лампадки разливался по комнатѣ и на часахъ

стрѣлки показывали уже шесть утра. Если-бы было лѣто, то сейчасъ уже давно свѣтило-бы солнце, но теперь еще было темно и черезъ замерзшія стекла ничего не было видно на улицу. Звонили къ ранней обѣднѣ. На диванѣ лежало свѣтлое платье мамы, а на столѣ—крахмальныи воротничекъ папы. Значитъ, былъ праздникъ.

„Но куда-же это дѣлся старичокъ съ игрушками?“ подумала Катя.

И вдругъ она вспомнила, что онъ запретилъ ей за нимъ подглядывать.

„Если онъ уже ушелъ, рѣшила она, — то навѣрное оставилъ за собою дверь незапертой. А если онъ остался здѣсь и только спрятался куда-нибудь, то дверь, конечно, заперта. Мама всегда на ночь запираетъ дверь!“

Она подошла къ выходной двери и потрогала ее. Квартира оказалась на запорѣ. Значитъ, старичокъ, чтобы сдѣлать ей сюрпризъ, спрятался куда-нибудь и, когда убѣдится, что она за нимъ не слѣдитъ, то разставитъ для нея игрушки.

Но Катя была очень любопытна. Ей хотѣлось въ одно и то-же время и исполнить желаніе старичка и подсмотрѣть за нимъ, какъ онъ будетъ доставать изъ кармановъ игрушки и разставлять ихъ по столу.

„Я спрячусь куда-нибудь, подумала она,—и подожду, когда онъ

войдетъ. А если онъ долго не появится, то я пойду опять къ себѣ, лягу въ постельку и усну!“

Но куда спрятаться такъ, чтобы онъ не замѣтилъ?

Она оглядѣлась по сторонамъ. Вотъ кресло, вотъ диванъ, вотъ столикъ, за которымъ всегда занимается папа. Развѣ подлѣзть подъ него? Но тамъ она увидала однажды чернаго таракана и теперь ей казалось тамъ страшно.

— Куда-бы спрятаться? задала она себѣ вопросъ.

Она прошлась по комнатамъ, не боясь ни молчанія, ни темноты. Ее подбодряло то, что за стѣной спали ея родители и что гдѣ-нибудь тутъ-же притаился и старичокъ, который во снѣ пообѣщалъ ей игрушекъ. Но куда онъ могъ спрятаться? Ужъ не забрался-ли онъ въ часы?

И она подошла къ часовому шкафу и тихонько его пріотворила. Старичка тамъ не оказалось. Гири была поднята еще наканунѣ и висѣла подъ самымъ механизмомъ. Коротенькій маятникъ, похожій на грушу, болтался вправо и влево.

— „А не спрятаться-ли мнѣ сюда?“ подумала Катя. — „Я сяду въ часы, затворюсь въ нихъ, и сквозь щелочку буду глядѣть, какъ старичокъ вылѣзетъ изъ своего уголка и будетъ разставлять по столу игрушки.“

И она влѣзла въ часовой футляръ и затворила за собою дверцу.

Она сидѣла тамъ и долго смотрѣла въ щелочку. Надъ ея головой монотонно стучалъ маятникъ и затѣмъ, зашипѣвъ и зашумѣвъ, часы пробили шесть. Она не испугалась боя и подняла голову кверху, чтобы разсмотрѣть, какъ они били. Но она не увидѣла и не поняла ничего.

— „А какъ здѣсь уютно!“ — подумала она. — „Точно маленькій домикъ для куколъ! Вотъ хорошо-бы здѣсь играть всегда!“

Ей надоѣло стоять въ часахъ и она присѣла, сначала на корточки, а потомъ устроилась поудобнѣе и стала наблюдать сквозь щелочку. Но старичокъ точно въ воду канулъ. Вѣроятно, онъ подшутилъ надъ Катей и вовсе не придетъ. Но какъ-же онъ могъ уйти сквозь запертую дверь?

Катя откинула головку назадъ и устроилась поудобнѣе. Она подождетъ еще немного и если старичокъ дѣйствительно обманулъ ее и не придетъ, то она отправится обратно къ себѣ въ постельку и постарается заснуть опять. Кстати она уже озябла; ей холодно въ одномъ лифчикѣ и хочется спать. А, съ какимъ наслажденіемъ, она натянула-бы сейчасъ на себя одѣяло, укрылась-бы съ головой и сладко-сладко заснула! И нужно-же было приходиться къ ней во снѣ этому старичку и наобѣщать ей кучу игрушекъ!

Она все еще продолжала ждать

прихода старичка, но глаза ея стали слипаться, на вѣкахъ повишли цѣлые пуды, она хотѣла было пересилить въ себѣ дремоту, но это оказалось выше ея силъ, и она заснула. Дверка затворилась вплотную и сама собой заперлась на щеколду.

Блѣдный разсвѣтъ робко спросился въ окна. На улицѣ затушили фонари и на сѣромъ фонѣ неба обрисовались красивые, перистые узоры на стеклахъ. Былъ морозъ. На улицѣ появились пѣшеходы, всѣ заиндивѣвшіе отъ холода, и изъ трубъ потянулись дымы, застывавшіе въ морозномъ воздухѣ. Николай Ѳомичъ проснулся, потянулся и зѣвнулъ. Сегодня ему не нужно будетъ идти на работу; сегодня праздникъ. Проснулась и его жена и оба они еще долго разговаривали о своихъ семейныхъ дѣлахъ и о томъ, какъ-бы поскорѣе вылѣзти изъ застигнувшаго ихъ врасплохъ затруднительнаго положенія. Вотъ только-бы перебиться какъ-нибудь эти тяжелые дни, а тамъ у Николая Ѳомича снова дѣло пойдетъ на ладъ и онъ не будетъ нуждаться. Только вотъ какъ перебиться?

Онъ одѣлся и вышелъ. Странно, что такъ долго еще спитъ Катя! Она всегда вставала раньше всѣхъ, выходила въ эту комнату, садилась въ своемъ неизмѣнномъ уголкѣ и тихонько играла въ кубики и въ тряпочки. А теперь ее тамъ

нѣтъ. Николай Ѳомичъ вышелъ въ сосѣдную комнату.

— Катя! позваль онъ. — Пора вставать!

Но отвѣта не послѣдовало. Около кровати лежали на полу одни только башмаки, да на стулѣ оставалось нетронутымъ клѣтчатоое платье. Но кровать была пуста.

„— Что за диковина?“ подумаль онъ и сталъ громко звать:— Катя! Катя!

Но Катя не отзывалась. Николай Ѳомичъ оглянулся вокругъ себя, заглянулъ въ кухню, поглядѣлъ подъ столами и подъ стульями, подѣргалъ за занавѣски и съ большими испуганными глазами вошелъ къ женѣ.

— Катя куда-то пропала! сказаль онъ.

— Ну, что за пустяки! отвѣтила ему супруга, но тоже встревожилась и вскочила съ постели.

Оба вмѣстѣ они забѣгали по маленькой квартирѣ, хотя и знали, что спрятаться въ ней негдѣ.

— Катя! Катюша! Катя! кричали они.—Отзовись! Гдѣ ты?

И вдругъ откуда-то послышался стукъ.

— Ты слышишь? обратился къ женѣ Николай Ѳомичъ.

Но это былъ стукъ вовсе не въ дверь. Стучали гдѣ-то внутри, въ квартирѣ, но гдѣ именно, въ первую минуту трудно было опредѣлить.

— Папочка, папа! послышался вслѣдъ затѣмъ дѣтскій голосокъ.

— Она отзывается! воскликнул отецъ.—Но гдѣ-же она? Куда она спряталась?

Голосокъ доносился точно изъ-подъ пола.

— Она, должно быть, подъ столомъ! сказала мать.

— Нѣтъ, нѣтъ! отвѣтили обрадованный отецъ. — Я тамъ уже смотрѣлъ!

И остановившись и прислушавшись, онъ вдругъ подбѣжалъ къ часамъ.

-- Она здѣсь! воскликнул онъ.—Да, да, она здѣсь! Я слышу ея голосъ отсюда!

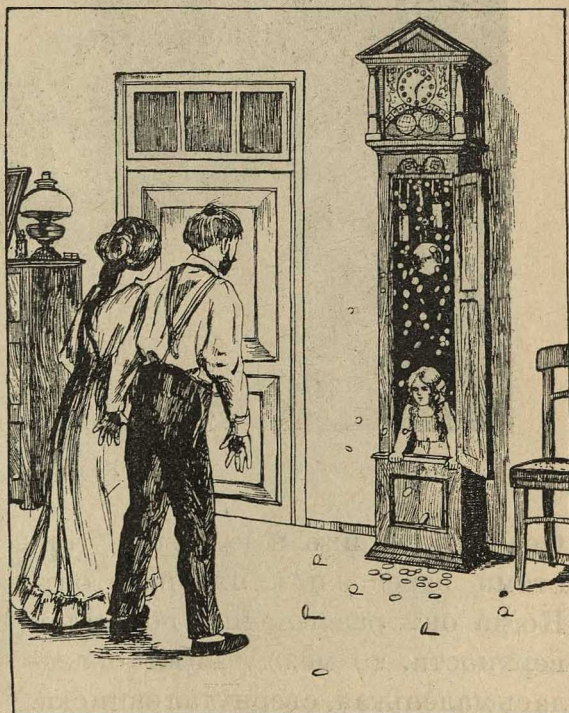
И вдругъ кто-то сталъ стучать кулаками изнутри часовъ. Дверка такъ плотно защелкнулась, что ее трудно было открыть. Николай Ѳомичъ подскочилъ къ часамъ и сталъ тянуть за скобку; чтобы открыть дверцу, Катя силилась отпихнуть ее изнутри, и часы закачались на своемъ мѣстѣ и вотъ-вотъ готовы были упасть. Звонокъ звонилъ безпрерывно, маятникъ еще быстрѣе заколебался изъ стороны въ сторону и было похоже на то, что если сейчасъ дверка не откроется, то придется взяться за топоръ и начать ее рубить.

— Что съ ней сдѣлалось! удивился Николай Ѳомичъ.—Вѣдь она всегда такъ легко отворялась!

И чтобы освободить поскорѣе дѣвочку, онъ изо-всѣхъ силъ дернулъ за скобку. Часы покачну-

лись, дверка отворилась, но въ то же время что-то мелкое и блестящее вдругъ дождемъ посыпалось отъ сотрясенія Катѣ на голову и на плечи. Это былъ какой-то странный, неожиданный золотой дождь, который падалъ и падалъ сверху изъ самыхъ часовъ и съ сладкимъ звономъ катился на полъ.

Обезумѣвшая отъ радости мать схватила дѣвочку и прижала ее къ себѣ. Посыпались тысячи вопросовъ. Но Катя забыла уже обо всемъ, ничего не могла объяснить и только съ удивленіемъ поглядывала на падавшія монеты. Николай Ѳомичъ тоже глядѣлъ на нихъ съ такимъ выраженіемъ, точно все

Это былъ какой-то странный, неожиданный золотой дождь.

это происходило во снѣ или-же въ одной изъ сказокъ тысячи и одной ночи. Золотыя монеты между тѣмъ перестали уже сыпаться и большой кучкой лежали на полу.

„Я умираю одна и боюсь, чтобы то, что я хочу завѣщать вашей дочери Катѣ, не попало въ руки другимъ. Поэтому я кладу всѣ свои деньги въ эти часы. Я

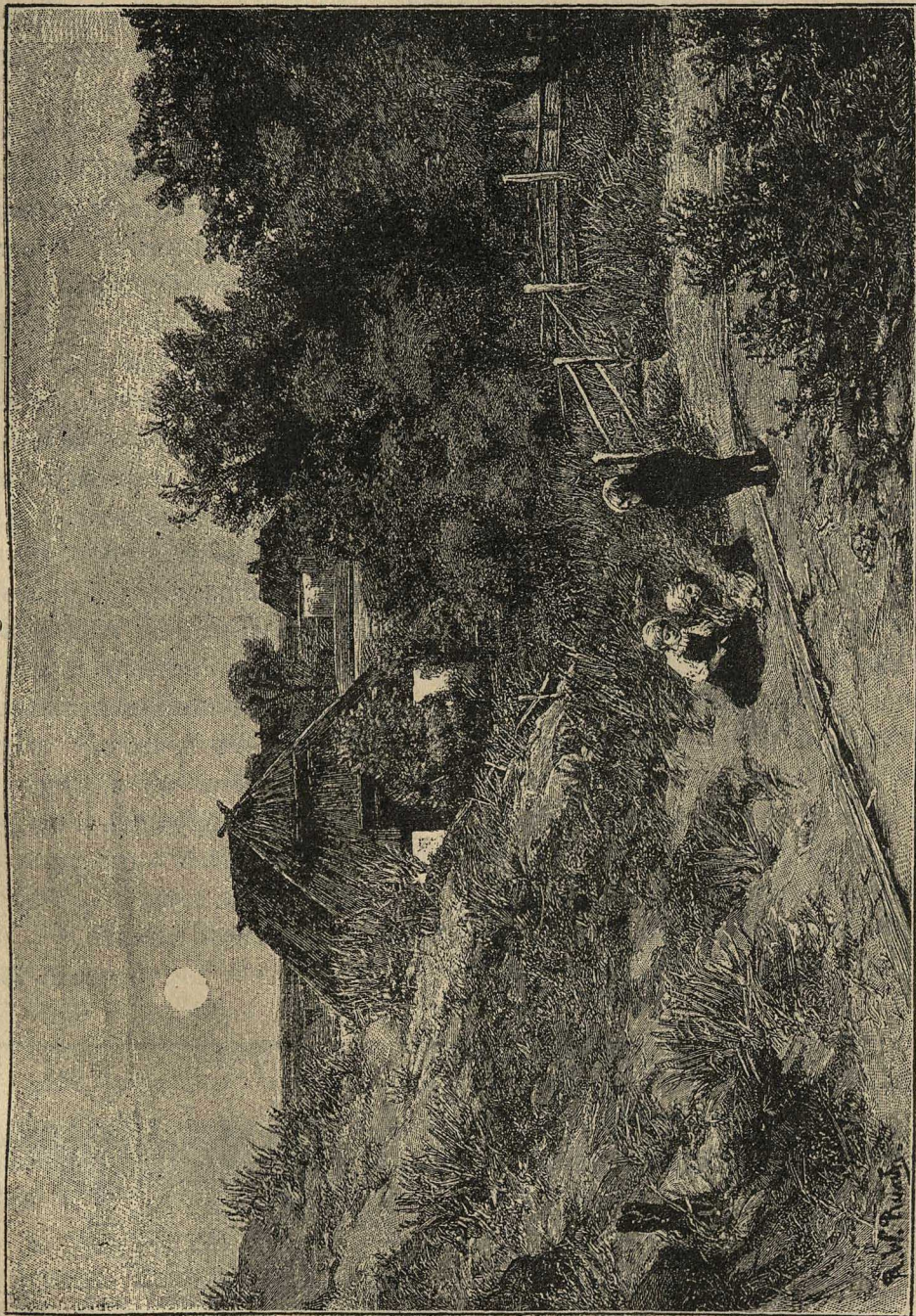

Хозяинъ потерялся.

Онъ сгребъ ихъ и полными горстями переложилъ ихъ на столъ. Когда онѣ рассыпались по его поверхности, то между ними оказалась маленькая, свернутая записка. Николай Ѳомичъ развернулъ ее и прочиталъ слѣдующее:

знаю, что ими всегда интересовался Николай Ѳомичъ и что онъ возьметъ ихъ къ себѣ послѣ моей смерти. Пусть-же онъ возьметъ ихъ вмѣстѣ съ деньгами. Быть можетъ, снѣ когда-нибудь заглянетъ въ нихъ и тогда найдетъ въ нихъ

Тихий вечеръ.

все, что я сумѣла сберечь для его Катюши. Да благословить васъ всѣхъ Господь!

Ваша тетка Софія.“

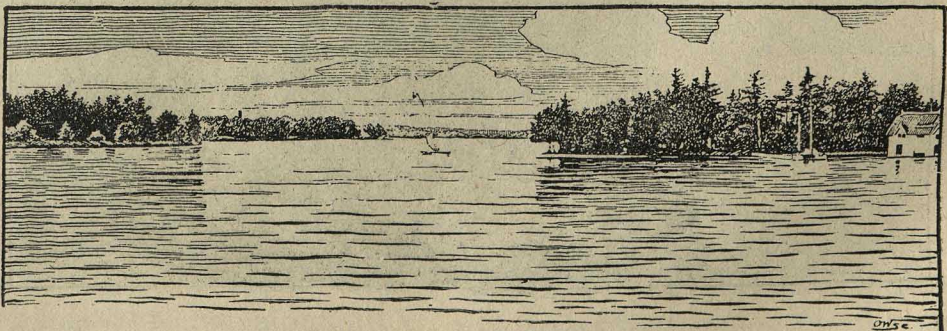
Николай Ѳомичъ прочиталъ эту записку вслухъ, и всѣ трое потомъ долго стояли молча и глядѣли на деньги. Но имъ не столько было пріятно то, что они вдругъ такъ неожиданно разбогатѣли, сколько то, что о нихъ вспомнила въ свое время эта добрая женщина, и имъ стало уже казаться, что ея душа витала тутъ-же среди нихъ и вмѣстѣ съ ними радовалась ихъ счастью. Николай Ѳомичъ подошелъ затѣмъ къ часамъ, но они уже стояли. Стронутые съ мѣста, они сбили свой ходъ и, вѣчно вѣрные себѣ, на этотъ разъ измѣнили и остановились. Онъ тронулъ за маятникъ, повернулъ стрѣлку впередъ—и они пошли снова. Кто-то неизвѣстный сдѣлалъ ихъ уже давно-давно, сдѣлалъ для другихъ, быть можетъ, потратилъ для этого всю свою жизнь, отказывая себѣ

во всемъ и умеръ въ нищетѣ,—и вотъ его трудами пользовались цѣлыя поколѣнія и пользуются теперь Николай Ѳомичъ и его семья. Такъ и тетка Софія отказывала себѣ во всемъ, чтобы только сдѣлать болѣе счастливой жизнь другимъ. И это вѣчное стремленіе однихъ поколѣній сдѣлать счастливыми другія, это желаніе принести себя въ жертву для своихъ ближнихъ показались Николаю Ѳомичу важными и значительными и ему вдругъ и самому захотѣлось работать, создавать и всего себя посвятить другимъ. Онъ посмотрѣлъ на лежавшее передъ нимъ золото, не какъ на цѣль, а какъ на средство, и весело и въ то-же время мечтательно воскликнулъ:

— Теперь-то я начну ворочать дѣлами! Теперь-то я буду имѣть возможность подумать и о другихъ!

И всѣ вмѣстѣ они долго еще перебирали монеты и вслухъ высказывали свои мечты.

по Jean Marel.

ЗА ТАИНСТВЕННОЙ ДВЕРЬЮ.

ПОВѢСТЬ.

Нашъ дѣдушка былъ очень знатный и гордый человекъ. Еще при императорѣ Александрѣ II онъ служилъ губернаторомъ и былъ затѣмъ членомъ Государственнаго Совѣта, но на кого-то за что-то обидѣлся, вышелъ въ отставку и жилъ затѣмъ вмѣстѣ съ нами, какъ частный человекъ. Мы были круглыми сиротами. Наши папа и мама умерли такъ давно, что мы ихъ не помнили. Изъ разговоровъ прислуги мы слышали, что у насъ была еще какая-то тетя, родная дочь нашего дѣдушки, но мы не знали даже, какъ ее звали. Дѣдушка, говорятъ, такъ былъ за что-то разгнѣванъ однажды на свою дочь, что прогналъ ее съ глазъ долой и съ тѣхъ поръ о ней не было ни слуху, ни духу. Она была крестной матерью моей сестры Нелли, но я знала, что раньше Нелли называлась Евгеніей и только послѣ ссоры дѣдушки со своей дочерью, по особому его ходатайству передъ архіереемъ — ее переименовали затѣмъ изъ Евгеніи въ Елену. Для чего это понадобилось, — намъ было неизвѣстно. Былъ у насъ также и двоюродный братъ, уже пожилой господинъ, котораго звали Петромъ Никитичемъ, но мы его никогда не видали и знали о немъ

только по портретамъ и по наслышкѣ отъ прислуги. Съ этимъ Петромъ Никитичемъ дѣдушка былъ очень друженъ и гдѣ-то съ нимъ встрѣчался. По крайней мѣрѣ, по наслышкѣ, мы, дѣти, привыкли этого Петра Никитича уважать.

Мы жили очень богато, но дѣдушка сознательно воспитывалъ насъ въ скромности и въ довольствѣ малымъ. Кромѣ няни Захаровны и гувернантки миссъ Эвансъ около насъ не было никого. Мы жили большую часть года въ нашемъ громадномъ петроградскомъ домѣ, который почти весь такъ и оставался пустымъ, а съ Пасхи насъ уже отвозили каждый годъ въ большое дѣдушкино имѣніе Знаменское, гдѣ мы и проводили все лѣто. Было у дѣдушки еще и другое имѣніе, но совсѣмъ маленькое, — Незабудки, но мы тамъ не бывали еще никогда. Изъ разговоровъ нашей няни, которая была родомъ изъ Незабудокъ, я знала, что дѣдушка очень не любилъ тамъ сосѣдей и потому очень рѣдко туда наѣзжалъ. Только въ самое послѣднее время мы, дѣти, узнали отъ той-же няни, что эти сосѣди продаютъ свое имѣніе и что поэтому у дѣдушки сваливается почему-то съ плечъ гора.

— Ну, слава Богу! говорила няня личному дѣдушкиному лакею Василию.—Да и пора уже! А то и сами тамъ не живутъ, и нашему барину все время мѣшали!

И вотъ однажды къ намъ въ дѣтскую вошелъ этотъ самый Василій и сказалъ:

— Барышни и молодой баринъ! Пожалуйте внизъ, дѣдушка хочетъ съ вами поговорить!

Мы тотчасъ-же спрыгнули съ подоконника—и я и сестра Нелли суетливо стали оправлять на себѣ передники, а братъ Боря съ тоскою посматрѣлъ на свои руки. Онѣ были очень грязны.

— Не помыть-ли? спросилъ онъ пугливо. — Дѣдушка не любитъ грязныхъ рукъ!...

Онъ уже направился было къ умывальнику, но лакей продолжалъ:

— Дѣдушка сейчасъ уѣзжаютъ... Лошадь уже подана.

Мы переглянулись.

— Зачѣмъ-бы это мы понадобились дѣдушкѣ? сказала я. — Вѣдь мы, кажется, сидѣли смиренно и не шумѣли... Неужели онъ на насъ за что-то обидѣлся?

Дѣдушка никогда не посылалъ за нами такъ рано утромъ. Онъ любилъ насъ по своему, часто разговаривалъ съ нами, но только дѣловымъ тономъ, и, признаться, мы его побаивались. Когда мы спустились къ нему, то онъ кончалъ свой завтракъ. Онъ всегда ѣлъ у себя одинъ, а мы, дѣти, сто-

ловались отдѣльно. Это не казалось намъ страннымъ, потому что мы никогда не видали, какъ живутъ и обѣдаютъ въ другихъ семьяхъ. Мы вошли къ нему и остановились всѣ трое рядомъ поодаль, такъ какъ онъ не любилъ, когда къ нему бросались дѣти.

При видѣ насъ онъ улыбнулся.

— Здравствуйте, молодежь! обратился онъ къ намъ. — Я послалъ за вами, чтобы объявить вамъ одну важную новость. Я одинокъ, какъ вы знаете, и въ этомъ громадномъ домѣ занимаю всего только три комнаты. Съ васъ довольно и двухъ. Поэтому я хочу запереть этотъ домъ совсѣмъ и переѣхать на маленькую квартиру. Здѣсь очень много расходовъ. Я хочу пораньше послать васъ въ усадьбу, чтобы васъ не смущалъ переѣздъ на другую квартиру, и вотъ и послалъ за вами, чтобы сообщить вамъ эту новость. Итакъ—на этой-же недѣлѣ вы поѣдете въ усадьбу.

— Въ Знаменское? спросила я.

— Нѣтъ, на этотъ разъ въ другое мѣсто, отвѣтилъ дѣдушка, какъ-то странно вдругъ измѣнившись въ лицѣ. — Вы поѣдете въ другое мое имѣніе—въ Незабудки. Теперь туда можно. Раньше было нельзя, но теперь уже можно.

— А миссъ Эвансъ тоже поѣдетъ туда съ нами? робко спросила Нелли.

— Нѣтъ, вы поѣдете только съ няней. Миссъ Эвансъ я отказываю,

и она уѣзжаетъ. Пока я не найду для васъ новой гувернантки, при васъ будетъ Захаровна.

Мы хотѣли запрыгать отъ радости. Миссъ Эвансъ, эта длинноногая, грубая англичанка получаетъ расчетъ и наша милая няня опять будетъ при насъ. Это-ли не счастье! Къ тому-же я не любила Знаменскаго. Мы ѣздили туда каждое лѣто, но тамъ было такъ скучно въ громадномъ пустынномъ домѣ, такъ тамъ завывалъ въ трубахъ вѣтеръ, что я часто не спала цѣлую ночь.

Дѣдушка хотѣлъ еще что-то сказать, но я перебила его.

— А скоро мы поѣдемъ въ Незабудки? спросила я.

Онъ нахмурился.

— Когда я былъ маленькимъ, строго отвѣтилъ онъ,—то мы, дѣти, никогда не перебивали старшихъ. Я уже сказалъ тебѣ, что на этой недѣлѣ. Но слушайте дальше. Объ этомъ хуторѣ Незабудкахъ вы еще не знаете ничего. Тамъ крошечный домикъ, но это не важно, зато тамъ очень большой садъ и вамъ будетъ гдѣ побѣгать. Бокъ-о-бокъ тамъ будутъ жить сосѣди. Не тѣ, которыхъ я зналъ, а совсѣмъ другіе, новые. Но какъ-бы тамъ ни было, я положительно запрещаю вамъ съ ними знакомиться и вообще прошу васъ не любопытничать, ни у кого ничего тамъ не выспрашивать и не совать носовъ туда, куда васъ вовсе не

спрашиваютъ. Съ своей стороны вы не должны тамъ ничего болтать и ни съ кѣмъ не должны знакомиться. Поняли?

— Да... отвѣтили мы въ страхѣ, хотя дѣдушкѣ вовсе не нужно было за насъ беспокоиться: мы никогда не знакомились ни съ кѣмъ, друзей у насъ не было, родственниковъ мы не знали, и наша жизнь протекала только въ нашей дѣтской и дальше не шла никуда.

— Ну, такъ вотъ я васъ предупредилъ! продолжалъ дѣдушка.— А теперь — до свиданія и вы можете отправляться къ себѣ.

Онъ поцѣловалъ каждого изъ насъ въ лобъ, Василий почтительно распахнулъ передъ нимъ дверь и подалъ ему шляпу, палку и пальто, а мы побѣжали къ себѣ наверхъ. Скоро затѣмъ послышался стукъ копытъ и, дѣдушка уѣхалъ. Мы остались одни.

— А, должно быть, хорошо тамъ, въ этихъ самыхъ Незабудкахъ... размечталась Нелли. — Даже отъ одного названія какъ-то пріятно вдругъ запахло!

— Да... такъ-же мечтательно отвѣтилъ Боря.— Вотъ гдѣ мы побѣгаемъ! Теперь миссъ Эвансъ съ нами не будетъ!..

И мы пугливо посмотрѣли на дверь. Что, если она сейчасъ войдетъ! Но она не входила еще долго. Повидимому, она укладывалась.

— Но вѣдь дѣдушка сказалъ, что найдеть другую гувернантку!.. вздохнула Нелли.

— Ничего! отвѣтила я.—Пусть нанимаетъ! Хуже не будетъ. За то съ нами поѣдетъ наша няня.

И не успѣла я это сказать, какъ къ намъ вошла сама Захаровна. Мы тотчасъ-же все бросились къ ней. Она оглядѣлась по сторонамъ, чтобы убѣдиться, что ее никто не подслушиваетъ, и затѣмъ стала насъ обнимать.

— Милые мои, заговорила она и слезы показались у нея на глазахъ. — Драгоценные мои! Сироточки мои родныя! Опять я съ вами! Опять вы у меня на рукахъ!

Намъ тоже было пріятно, что наша любимая няня снова была съ нами.

— Няня, нянечка, няня! закричали мы въ три голоса и повисли у нея на шеѣ.

Затѣмъ мы сѣли все четверо на диванъ и стали мечтать о предстоящей поѣздкѣ въ Незабудки.

— А что, няня, тамъ хорошо? спросилъ Боря.

Няня зажмурилась отъ удовольствія глаза и покачала головой.

— Тамъ, какъ въ раю, отвѣтила она.—Вѣдь тамъ родился и жилъ вашъ покойный отецъ, царство ему небесное! Тамъ я вынянчила его и выносила на рукахъ. И она еще долго рассказывала намъ о нашихъ матери и отцѣ и о прежней жизни въ Незабудкахъ. Мы слу-

шали ее, стараясь не проронить ни одного ея слова, и эти Незабудки уже издали стали казаться намъ прекрасными и манили насъ къ себѣ.

Весь тотъ вечеръ показался намъ длиннымъ до безконечности. Въ ожиданіи поѣздки мы были сами не свои, бродили по комнатамъ, какъ сонныя мухи, и не знали, за что приняться и какъ скоротать время. Подъ конецъ я ушла въ бібліотеку и стала разглядывать книги, стараясь найти въ нихъ картинки. И меня очень удивило, что на многихъ изъ нихъ имя „Евгенія“ было выскоблено ножомъ. Получалось такое впечатлѣніе, точно все эти книги были куплены дѣдушкой случайно отъ другого собственника, и дѣдушка долженъ былъ стирать съ нихъ все надписи, которыя могли напомнить ему о прежнемъ хозяинѣ.

— Какъ ты думаешь, обратилась я къ Нелли, — кто-бы могла быть эта Евгенія?

Нелли посмотрѣла на книги и на протертые мѣста и не отвѣтила ничего.

— У нашей Нелли, сказалъ Боря,—тоже было первое имя Евгенія, а потомъ стало Елена.

— А зачѣмъ это было нужно? спросила Нелли.—Зачѣмъ нужно было мѣнять мое имя?

Я и Боря въ свою очередь не отвѣтили ей ничего.

Незабудки превзошли все наши ожиданія. Мы отправились туда только черезъ недѣлю и эта недѣля показалась намъ цѣлой вѣчностью. Мы не знали, какъ ее пережить. И когда наконецъ дѣдушка опять прислалъ за нами Василю, чтобы проститься съ нами и сказалъ намъ, что пора уже отправляться въ путь, то нашей радости не было границъ.

— Смотрите-же! предупредилъ онъ насъ опять.— Ни съ кѣмъ тамъ не знакомьтесь, не любопытничайте, не болтайте и во всемъ слушайте вашу няню.

Онъ подставилъ каждому изъ насъ свою морщинистую щеку и мы должны были по очереди ее поцѣловать. Затѣмъ всехъ насъ усадили въ громадную карету, запряженную четверкой лошадей,— и мы поѣхали.

Мы ѣхали цѣлый день и это было для насъ сказочнымъ путешествіемъ. Поля, луга, лѣса, попадавшіяся по пути мельницы и цѣлыя селенія захватывали все наше вниманіе, а остановки среди поля или на постояломъ дворѣ, чтобы покормить лошадей, казались намъ лучшими минутами нашей жизни.

Мы приѣхали въ Незабудки около шести часовъ вечера, когда солнце уже садилось, и соловьи заливались во всехъ концахъ. Съ полей ржи доносились крики перепеловъ и слышно было, какъ гдѣ-то вдали,

должно быть, на рѣкѣ или въ пруду, голосисто трещали лягушки. Привратникъ распахнулъ передъ нами желѣзные узорчатые ворота и мы долго еще ѣхали потомъ между двухъ шпалеръ сирени, бывшей тогда въ полномъ цвѣту. Затѣмъ мы выѣхали въ цвѣтникъ и, обогнувъ большую клумбу въ вазой посрединѣ, подкатили къ крыльцу красиваго, одноэтажнаго дома.

— Милости просимъ! Пожалуйте! встрѣтила насъ съ ласковымъ привѣтомъ какая-то пожилая дама, еще издали слышавъ наши бубенчики. Ужъ я давно васъ поджидаю!

Это была экономка Анна Андреевна. Она жила здѣсь зиму и лѣто и управляла всемъ хуторомъ.

Мы вылѣзли изъ кареты, размялись съ дороги и оглядѣлись по сторонамъ. Мѣсто было действительно роскошное. Громадный, вѣковой, липовый паркъ тянулся на цѣлыя десятины, вокругъ дома было такъ много цвѣтовъ, что воздухъ казался тяжелымъ отъ ихъ аромата, и кругомъ—и въ кустахъ сирени, и на деревьяхъ—такъ шумно кричали птицы, что въ первую минуту мы плохо слышали другъ друга.

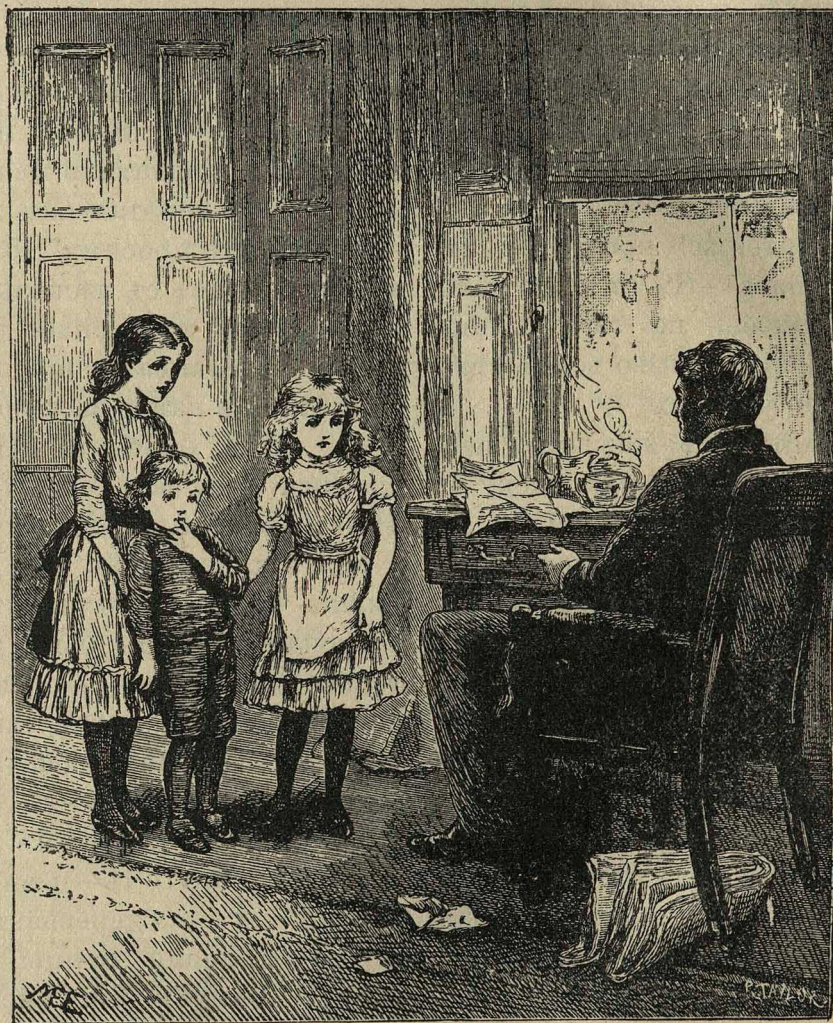
— Идите-же, мои голубчики! обратилась къ намъ Анна Андреевна и стала насъ обнимать и цѣловать.—Да какіе-же вы славные, какіе интересные! Вотъ-бы полюбовались на васъ ваши папа и мама, если бы были живы! Вхо-

дите! Здѣсь вамъ будетъ хорошо!
Здравствуй, Захаровна!

Мы вошли въ домъ и стали раз-
дѣваться.

И только подумать, что я, такая
близкая къ ихъ дому, и еще ни
разу не видала ихъ взрослыми!
Какъ же васъ всѣхъ зовутъ?

— Я послалъ за вами, чтобы объявить вамъ одну важную новость.
(Къ повѣсти «За таинственной дверью»).

— Ну, что это за дѣти! съ во-
сторгомъ воскликнула Анна Ан-
дреевна, опять оглядѣвъ насъ со
всѣхъ сторонъ.—Вотъ красавчики!

— Эту вотъ, старшенькую, —
Вѣрочка, указала на меня няня,
а эту востроглазую — Нелли. А
вотъ этотъ забіяка — это у насъ

Боря! Онъ у насъ одинъ наслѣдникъ.

Боря шаркнулъ передъ Анной Андреевной ножкой и сказалъ:

— Нашего дѣдушку тоже зовутъ Борисомъ и папу также звали. Мы всѣ Борисы!

Тамъ васъ, дѣтки, уже дожидается самоваръ!

Я замѣтила эти киванья няни и это замѣшательство Анны Андреевны и рѣшила во что-бы то ни стало обо всемъ допросить няню, когда буду съ ней наединѣ.

— Посмотрите, посмотрите! Идите сюда всѣ! Здѣсь калитка!

— Да, да... вздохнула Анна Андреевна, — во всемъ вашемъ роду Борисы... Я знаю. Но какъ эта Нелли похожа на ту... Какъ двѣ капли воды!.. Что значитъ близкое родство!

Няня сразу сдѣлала серьезное лицо и закивала ей, она спохватилась и уже другимъ, какимъ-то суетливымъ голосомъ продолжала:

— Такъ входите-же, входите!

Мы вошли въ просторную старомодную залу, увѣшанную гравюрами въ рамахъ и картинами, вышитыми шелками и бисеромъ по канвѣ. Пахло стариной. По стѣнамъ чинно стояли тяжелые стулья изъ краснаго дерева и по ярко блестящему крашенному полу были растянуты длинные холщевые половички.

— Какъ здѣсь хорошо! невольно воскликнула я.

— Да, Вѣрочка, хорошо здѣсь у насъ! отвѣтила Анна Андреевна.—А ужъ какой у насъ садъ! Какіе въ немъ уголки! Конца-краю ему нѣтъ! Вся наша молодежь когда-то только и дѣлала здѣсь, что играла въ прятки!

— Молодежь? удивилась я.—Но вѣдь мы одиноки! У нашего покойнаго папы вѣдь совершенно не было ни братьевъ, ни сестеръ! Онъ росъ здѣсь одинъ!

— Какъ одинъ? въ свою очередь удивилась и Анна Андреевна.

Но въ эту минуту къ намъ подошла няня, опять ей подмигнула и дернула меня за рукавъ.

— Вѣдь дѣдушка запретилъ вамъ здѣсь разспрашивать! шепнула она мнѣ.

Я покраснѣла и смолкла. Черезъ церемонную, старомодную гостиную, въ которой все стояло въ томъ-же порядкѣ, какъ и сто лѣтъ тому назадъ, насъ провели въ нашу комнату.

— А вотъ здѣсь вы будете спать! сказала Анна Андреевна.

Это была прелестная комната, веселая и свѣтлая, вся оклеенная розоватыми обоями и обставленная такъ, какъ намъ могло только присниться. Кружевныя занавѣски, туалетъ, уютныя кровати, разныя бездѣлушки, разставленныя на полочкахъ по стѣнамъ, и лучъ заходившаго солнца, отражавшійся

на вычурной изразцовой печкѣ,— все это показалось намъ необыкновенно ласковымъ и красивымъ.

— Какъ было здѣсь при нашей барышнѣ, объяснила намъ Анна Андреевна,—такъ осталось и до сихъ поръ! Живите здѣсь! Наслаждайтесь!

Про какую это барышню говорила она? Кто была она? Почему я до сихъ поръ не слышала ни отъ няни, ни отъ дѣдушки, что когда-то существовала, а можетъ быть существуетъ и теперь, какая-то барышня, которая жила въ Незабудкахъ и спала вотъ на этой самой постели и глядѣла въ этотъ самый туалетъ? Это меня очень заинтересовало и я долго еще думала о ней и твердо рѣшила, несмотря на запрещеніе дѣдушки, все-таки какънибудь подмазаться къ Аннѣ Андреевнѣ и выспросить ее обо всемъ. Но сдѣлать это теперь было неудобно.

Потомъ насъ повели пить чай. Боже мой, чего только не было поставлено на столъ! Варенныя яйца, сливки,—такія густыя, что въ нихъ стоймя стояла ложка,—разныя печенья, варенья и пирожки. У меня даже разбѣжались глаза. Я, Нелли и Боря тотчасъ-же набросились на все это и стали уничтожать. Сперва упрашивавшія насъ ѣсть и не стѣсняться, Анна Андреевна и няня скоро стали опасаться нашего аппетита и съ безпокойствомъ поглядывали на то, какъ кто-ни-

будь изъ насъ лишній разъ протягиваль руку къ пирожку или къ яйцу.

— Какъ-бы не повредило!.. говорила няня.—Вѣдь вотъ уже сколько они съѣли! Шутка-ли?

Послѣ чая намъ, конечно, первымъ дѣломъ, захотѣлось выбѣжать въ садъ, но солнце уже зашло и няня сказала, что сыро и уже поздно.

— Ну, пусть себѣ побѣгаютъ вокругъ дома! вступилась за насъ Анна Андреевна.— Съ полчаса еще можно!

Мы, какъ козы, выбѣжали на воздухъ и только что хотѣли начать игру въ пятнашки, какъ ни съ того ни съ сего набѣжала тучка и пошелъ ласковый, теплый дождичекъ, сквозь который свѣтилъ розовый, угасавшій закатъ. Пришлось поневолѣ вернуться въ комнаты.

— Ну, ничего! сказала Анна Андреевна.— Утро вечера мудренѣе! Авось, завтра будетъ хорошій день съ утра!

Она достала изъ комода какую-то интересную игру, состоявшую изъ молоточковъ и разноцвѣтныхъ стеклянныхъ шариковъ, и усадила насъ за столъ въ нее играть. Мы должны были подгонять молоточками шарики и прогонять ихъ сквозь воротцы. Это было весело и шумно. Мы скоро увлеклись этой игрой и не замѣтили, какъ спустилась ночь и какъ дѣвушка-горничная зажгла надъ нами огонь.

— Въ эту игру играла еще наша барышня.. замѣтила Анна Андреевна.

Но подъ конецъ Боря заснулъ, положивъ голову прямо на столъ, да стало клонить ко сну и меня. Мы громко зѣвнули.

— Пора, дѣтки, спать! поднялась съ дивана няня, вязавшая свой безконечный, всегда находившійся при ней чулокъ.— Устали съ дороги, голубчики!

— Да, нянечка!.. зѣвнула я еще разъ.— Мы устали, уложи насъ спать!

Анна Андреевна взяла на руки Борю и пошла съ нимъ впередъ. Я, няня и Нелли послѣдовали за ней. Я не помню, какъ потомъ я умывалась, какъ укладывалась въ постель, какъ укрывалась одѣяломъ, но отлично помню, что все время меня такъ и распирало любопытство узнать отъ Анны Андреевны, кто была та барышня, о которой она говорила? Но я такъ ее и не спросила объ этомъ. Всѣ мысли мои перепутались, смѣшались, я закрыла глаза, засунула руку подъ подушку и заснула.

На слѣдующее утро мы всѣ проснулись очень рано, тихонько одѣлись и выбѣжали въ паркъ. Было еще настолько рано, что на травѣ еще блистали капельки росы. Было ясно и тихо, жужжали подъ липами и у цвѣтовъ пчелы и въ воздухѣ стоялъ пріятный аромат утра. Мы чувствовали себя, какъ

дома, и намъ уже казалось, что здѣсь мы и родились и прожили здѣсь всю нашу жизнь. Побѣгавъ чинно около дома, мы незамѣтно для самихъ себя стали отходить отъ него все глубже и глубже въ паркъ и наконецъ зашли такъ далеко, что увидали себя въ мѣстахъ, которыя уже вовсе не расчищались и представляли собой одинъ сплошной кустарникъ и бурьянъ. Въ глубинѣ этого кустарника бѣлѣлась какая-то старая, каменная постройка, похожая на павильонъ или на бесѣдку. Штукатурка на ней облупилась и мѣстами сквозь нее виднѣлись голые кирпичи.

— Вотъ гдѣ было-бы хорошо поиграть въ прятки! воскликнула Нелли.

— Да, отвѣтилъ Боря.—А прятаться въ этихъ кустахъ и въ этомъ домикѣ!..

И только-что мы хотѣли затѣять игру, какъ со стороны дома раздался крикъ нашей няни:

— Дѣти, гдѣ вы? Вѣра, Нелли, Боря, идите пить чай! Куда вы убѣжали?

Мы вспомнили, что ушли безъ спроса, и тотчасъ-же повернули назадъ.

— Это ничего! сказала Боря.— Мы поьемъ чаю и сейчасъ-же вернемся сюда опять и будемъ играть. Здѣсь интересно!

Увидавъ на насъ башмаки, няня ужаснулась: всѣ они были насквозь промочены отъ росы. Были

мокры на насъ и чулки. Въ наказаніе мы должны были просидѣть въ комнатѣ до десяти часовъ, когда все просохло, и едва имѣли силъ выдержать это испытаніе. Но получивъ затѣмъ свободу, мы какъ вихрь, полетѣли къ заброшенному павильону и начали нашу игру.

Павильонъ былъ не запертъ. Онъ весь внутри былъ въ паутинахъ, сквозь щели пола въ немъ росла трава и у стѣны стоялъ одинъ только старый диванъ съ прорваннымъ сидѣньемъ и вылѣзшей наружу пружиной.

— Ну, идите, прячьтесь! крикнулъ Боря.—Я буду искать! Собираться здѣсь!

Онъ отвернулся къ стѣнѣ и я и Нелли прыгнули отъ него въ разныя стороны въ кусты и стали искать мѣстечка, куда бы спрятаться получше. Я отбѣжала еще глубже въ паркъ и вдругъ наткнулась на высокую стѣнку. Очевидно, здѣсь кончался паркъ, и она служила ему оградой. Но съ перваго же взгляда меня поразило въ ней то, что она какъ-то несоразмѣрно была высока, точно двухъ-этажный домъ. Несомнѣнно, и Нелли побѣжала туда-же, потому что вдругъ неожиданно раздался въ сторонѣ ея удивленный голосъ:

— Посмотрите, посмотрите! кричала она.—Идите сюда всѣ! Здѣсь калитка!

Я и Боря позабыли тотчасъ-же обьигрѣ и бросились на голосъ сестры.

— Здѣсь калитка! продолжала Нелли.— Навѣрное, это ходъ въ какой-нибудь таинственный замокъ!

Мы близко подбѣжали къ ней. Это дѣйствительно была калитка, не особенно большая, но очень прочная и толстая. Она была заперта на замокъ и вся обросла бурьяномъ. Мы раздвинули бурьянъ и задвигали щеколдой. Но замокъ оказался огромнымъ. Не говоря уже о бурьянѣ, который росъ здѣсь вѣроятно уже цѣлые десятки лѣтъ, самая щеколда ясно доказывала своей ржавчиной, что замка не отпирали уже очень и очень давно.

Мы всѣ трое остановились и переглянулись.

— Здѣсь какая-то тайна! сказала Нелли, любившая все сказочное и таинственное. — Навѣрное, тамъ кто-нибудь заключенъ и ждетъ, чтобы его освободили!

И всѣ трое мы приналегли на калитку. Но она не отворилась. Мы еще разъ подергали за щеколду, но и это оказалось напраснымъ. Наша игра уже была позабыта и теперь эта таинственная калитка привлекла къ себѣ все наше вниманіе.

К. Тр.—

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОТЪ И АВГУСТЪ!..

Вотъ и Августъ!.. Дождь и тучи
Заслоняютъ свѣтъ.
Листьевъ желтыхъ всюду кучи,
Ласточекъ ужъ нѣтъ.

Журавли подъ облаками
Жалобно кричатъ,
Машутъ легкими крылами
И на югъ летать.

Ужъ идутъ работы жарко
Въ ригѣ, на гумнѣ...
Я иду одинъ по парку
И тоскливо мнѣ:

Здѣсь играли дѣти въ прятки,
Бѣгали толпой,
Поливали розы, грядки,
Резеду, левкой.

А теперь ихъ нѣтъ... Учиться
Всѣ отвезены.

Что-же? Надо всѣмъ трудиться!..
Будемъ ждать весны!

Эльфъ.

ЦАРИЦА ПЧЕЛЪ.

(Изъ жизни улья).

Крестыанинъ отперъ улей.

— Ну, летите на свободу! ска- залъ онъ пчеламъ.—Солнце ярко свѣтитъ и цвѣты уже распусти- лись. Соберите-ка мнѣ побольше медку, чтобы я его къ осени могъ продать!

Пчелы вылѣзли изъ улья и стали расправлять свои крылыш- ки. Онѣ сидѣли взаперти цѣлую зиму и за все это время почти не видали свѣта и соскучились по свѣжемъ воздуху. Жужжа и перешоптываясь между собою, онѣ стали потирать свои лапки и ше- велить крылышками. Затѣмъ онѣ засуетились, зашумѣли и стали перелетать на цвѣты и съ цвѣ- товъ на кустарники.

Ихъ вылетѣло такъ много, что нельзя было сосчитать. Послѣ всѣхъ на воздухъ выползла ихъ матка. Она была гораздо крупнѣе, чѣмъ другія пчелы, и всѣ онѣ ей повиновались.

— Ну, дѣтки, обратилась она къ пчеламъ, — теперь пора и за работу.

Она, раздѣлила ихъ на семьи и каждой семьѣ поручила отдѣль- ную работу.

— Вы полетите въ поле, обра- тилась она къ однѣмъ пчеламъ,— и поглядите, есть-ли тамъ уже медъ на цвѣтахъ; вы будете соби-

рать пыльцу съ растеній и въ свою очередь передавать ее ста- рымъ пчеламъ, а онѣ будутъ ее отъ васъ принимать.

Пчелы полетѣли. Послѣднюю семью составляли самыя молодыя пчелки. Онѣ, не знали, что имъ дѣлать.

— А чѣмъ-же намъ заняться? спросили онѣ.

— Вамъ? отвѣтила царица.— Вы будете потѣть. Ну, принимайтесь- же за потѣние! Разъ-два-три, ско- рѣе!

Пчелки тотчасъ-же принялись потѣть и изъ ихъ пота сталъ по- лучаться нѣжный, желтый воскъ.

— Отлично, сказала царица.— Теперь давайте изъ этого воска строить домики!

Старыя пчелы приняли отъ мо- лодыхъ ихъ потъ и стали строить изъ него шести-угольные ячейки; всѣ ячейки были совершенно оди- наковы и плотно прилегали одна къ другой. Въ то время, какъ онѣ строили ихъ, съ поля прилетали другія пчелы и приносили съ со- бой пыльцу съ цвѣтовъ и медъ. Онѣ клали ихъ къ ногамъ своей царицы.

— Замѣсите эту пыльцу на ме- ду, приказала царица.— Отъ этого медъ будетъ вкуснѣе!

Онѣ стали мѣсить пыльцу съ

медомъ и скатывать изъ нея шарики, которые стали относить затѣмъ въ ячейки.

— А вы все-таки продолжайте потѣть и строить! продолжала распорядиться царица.

Пчелы, выдѣляли изъ себя воскъ и передавали его другимъ пчеламъ, которыя въ свою очередь строили изъ него ячейки, а пчелы, улетавшія изъ улья въ поле, приносили оттуда медъ и пыльцу и наполняли ими ячейки.

— Ну, а теперь очередь за мной! сказала царица.

И она при этомъ глубоко вздохнула, потому что это было самое серьезное дѣло.

Она вышла на середину улья и стала класть яички. Она клала ихъ кучками, а пчелы подбѣгали къ ней, брали отъ нея яички въ ротъ и относили ихъ къ ячейкамъ. Въ каждую ячейку онѣ положили по одному яичку. Нечаянно и незамѣтно для себя Царица снесла одно болѣе крупное яичко и подбѣжавшая къ ней пчела такъ-же нечаянно и не догадавшись, что яичко было крупнѣе, тоже понесла его въ ячейку.

— „Ой, не было-бы потомъ съ этимъ яичкомъ большихъ хлопотъ!..“ подумала проползавшая мимо старая пчела, но не сказавъ никому ничего объ этомъ, отправилась далѣе.

И когда всѣ ячейки были наполнены, то царица приказала запе-

чатать ихъ воскомъ и оставить яички тамъ лежать.

— Ну, вотъ и хорошо! съ облегченіемъ вздохнула царица.—А теперь постройте гдѣ-нибудь по сторонамъ десять ячеекъ побольше, попросторнѣе, чѣмъ эти.— Онѣ будутъ для принцессъ.

Пчелы тотчасъ-же принялись за работу и скоро выстроили десять огромныхъ ячеекъ. Царица снесла для нихъ десять крупныхъ яичекъ и приказала пчеламъ замазать ихъ въ этихъ ячейкахъ.

Каждый день потомъ пчелы вылетали изъ улья и собирали съ цвѣтовъ медъ и пыль. Но какъ только спускался вечеръ, онѣ возвращались въ улей и заглядывали въ дырочки въ ячейкахъ, что дѣлается съ положенными туда яичками?

— Погодите! сказала имъ однажды царица.— Они начинаютъ вылупляться!

И вдругъ всѣ яички треснули. Изъ нихъ появились червячки.

— Это личинки, объяснила пчеламъ царица.—Когда-то и вы, мои милыя, были такими-же, какъ онѣ. Нельзя быть настоящей пчелой, прежде чѣмъ не побываешь раньше личинкой. Но покормите ихъ! Развѣ вы не видите, что новорожденные голодны?

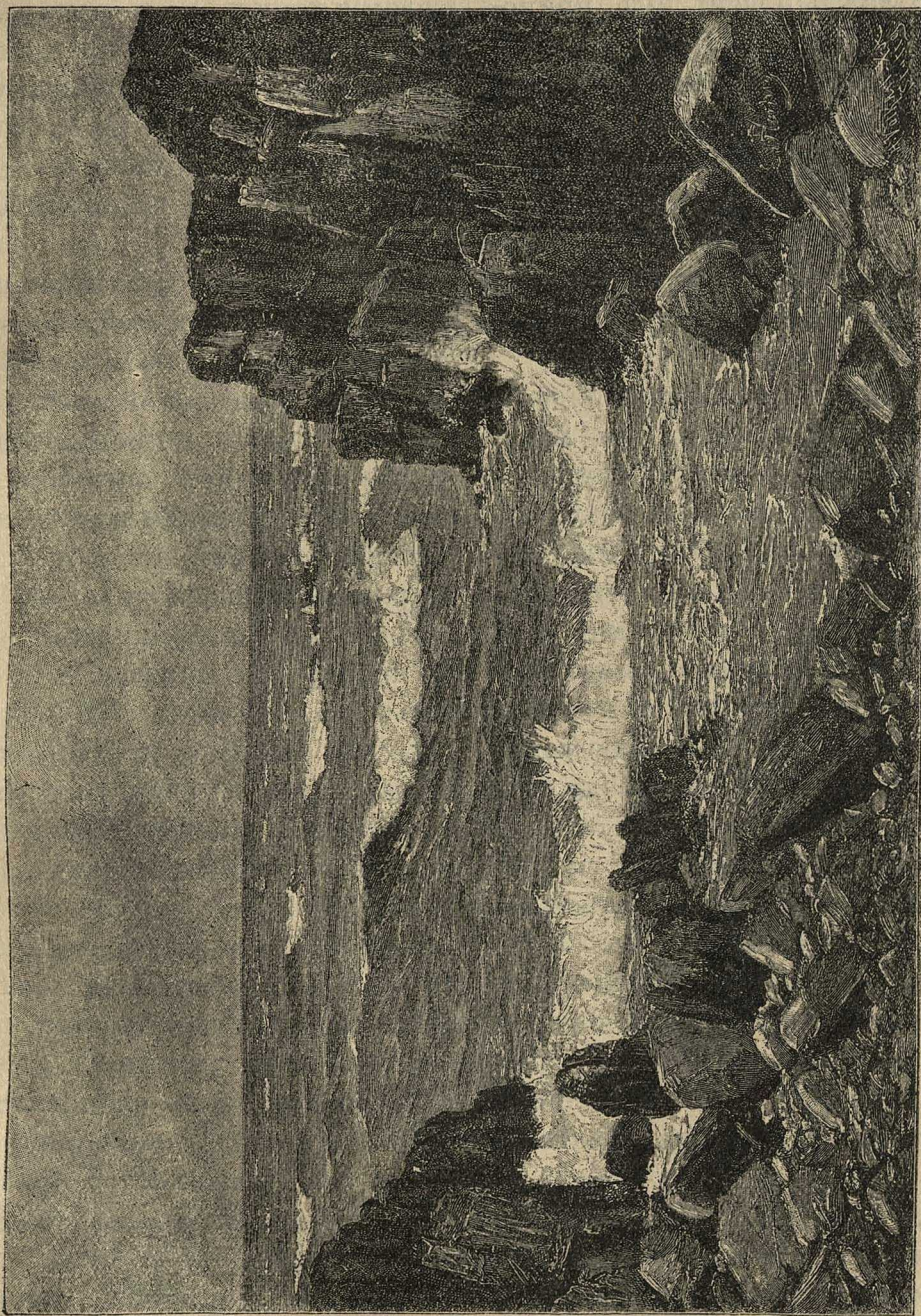
Пчелы тотчасъ-же принялись за кормленіе личинокъ. Но не всѣ личинки ѣли одинаково. Тѣ десять личинокъ, которыя вылупи-

Птички.

Морской Прибой.

лись въ большихъ ячейкахъ, кушали гораздо больше, и чего хотѣли, и каждый день имъ приносили много меду.

— Это будущія принцессы, говорила о нихъ царица.—Ихъ надо кормить какъ можно лучше и больше. Что касается остальныхъ личинокъ, то ихъ можно кормить и впроголодь, это будутъ простыя работницы и надо приучать ихъ къ суровой жизни.

Въ одной изъ маленькихъ ячеекъ, по сосѣдству отъ тѣхъ, въ которыхъ лежали личинки будущихъ принцессъ, сидѣлъ маленькій, маленькій червячокъ. Это была личинка изъ того самаго яичка покрупнѣе, которое незамѣтно для себя когда-то снесла царица. Она только недавно вышла изъ яичка. Она не могла видѣть, но уже могла слышать, какъ разговаривали гдѣ-то сбоку взрослые пчелы.

— Попрошу у нихъ ѣсть, подумала она и стала стучаться въ стѣнку своей ячейки.

— Ты уже получила свою часть, отвѣтила ей старая пчела, которая важно прохаживалась взадъ и впередъ по коридору и исполняла обязанности главной надзирательницы.

— Да я хочу ѣсть! воскликнула маленькая личинка.—Я залѣзу сейчасъ въ ячейку къ принцессѣ и съѣмъ у нея все, что у нея тамъ есть!

— Нѣтъ, ты не сдѣлаешь этого! проворчала надзирательница.—

Скажите, пожалуйста! Эта маленькая дрянъ высказываетъ такія пожеланія, точно и въ самомъ дѣлѣ принцесса! Ты рождена для того, чтобы быть работницей и трудиться, милая моя, а не для того, чтобы высказывать свои пожеланія. Знай, что ты не принцесса, а рабыня!

— А я желаю быть царицей! запицала личинка и снова застучала въ стѣнку.—Желаю и буду! Хотя я и не въ отдѣльной ячейкѣ, какъ эти принцессы, но совершенно не такова, какъ всѣ остальные личинки. Вотъ погляди на меня сама!

Надзирательница не отвѣтила и отправилась своей дорогой.

Тогда буянка принялась стучать въ ячейку къ принцессѣ и кричать:—

— Эй, ты! Богачка! Дай мнѣ немножко твоего медку! Впусти меня къ себѣ въ ячейку! Меня здѣсь моряютъ голодомъ. Я вѣдь тоже не хуже тебя!

— Ну, какъ-же! отозвалась личинка принцессы.—Изъ меня выйдетъ впоследствии царица, а ты будешь моей рабыней. Тогда я тебѣ покажу, какъ скандалить!

Но не успѣла она произнести этихъ словъ, какъ изъ девяти другихъ крупныхъ ячеекъ послышались голоса:

— Какъ царицей? закричали другія личинки принцессъ.—Ты не будешь царицей! Это я буду царицей, а не ты!

И всё онѣ зашумѣли и застучали въ своихъ ячейкахъ такъ, что было похоже на уличный скандалъ.

Надзирательница прибѣжала на шумъ и заглянула въ ячейки.

— Что вамъ угодно, наши милыя принцессы? почтительно спросила она?

— Дай намъ больше меду! закричали онѣ въ одинъ голосъ.— Только мнѣ первой, первой! Я буду царицей и потому дай мнѣ меду первой!

— Сейчасъ, сейчасъ, засуетилась надзирательница.— Сію минуту, дорогія принцессы!

Она ушла и скоро возвратилась съ нѣсколькими другими пчелами. Всѣ несли въ лапкахъ медъ. Принцессы набросились на него, мигомъ съѣли его и улеглись спать.

А маленькая личинка не спала и все время раздумывала о томъ, что будетъ дальше. Бѣй очень хотѣлось меду и она то и дѣло стучала въ стѣнку своей ячейки.

— Дайте мнѣ меду! кричала она.—Я не могу уже больше ожидать! Меду, меду, меду!

Старая пчела пригрозила ей.

— Замолчи! крикнула она.— Тссс!.. Вотъ идетъ сама наша царица.

И дѣйствительно, въ это время вблизи показалась царица.

— Удалитесь всѣ, приказала она пчеламъ.—Я хочу остаться одна.

Она остановилась передъ боль-

шими ячейками принцессы и долгое время провела въ молчаніи.

— Онѣ тамъ... сказала она наконецъ.—И спать... Ъсть и спать— вотъ и все ихъ занятіе теперь съ утра и до вечера каждый день, пока онѣ не вырастутъ еще больше и не сдѣлаются сильными. Но скоро онѣ будутъ уже взрослыми и выйдутъ изъ ячеекъ. Тогда дни мои будутъ сочтены. Я это знаю хорошо. Онѣ выгоняютъ меня отсюда съ позоромъ и станутъ царицами сами. Но я не подчинюсь этому. Завтра-же утромъ я убью всѣхъ этихъ принцессы и тогда буду царствовать здѣсь до самой смерти.

Сказавши это, она ушла къ себѣ. Но маленькая личинка слышала все отъ слова до слова.

— Батюшки мои! подумала она.— Вѣдь этакъ нашимъ бѣднымъ принцессамъ грозитъ опасность! Правда, онѣ относились ко мнѣ свысока, но вѣдь будетъ ужасно, если старая царица ихъ убьетъ! Попробую-ка я обратить на это вниманіе нашей ворчуньи-надзирательницы!..

И она снова принялась стучать въ свою ячейку. Услышавъ ея стукъ, надзирательница прибѣжала къ ней и стала ее бранить.

— Да ты съ ума сошла! воскликнула она.—Развѣ такъ ведутъ себя личинки твоего возраста? Такая маленькая и такая безпокойная! Дрянь!

— Ругайся, сколько угодно, отвѣтила личинка, — но выслушай меня!

И она рассказала надзирательницамъ все.

— Возможно ли это? воскликнула надзирательница и всплеснула лапками отъ ужаса. — Надо рассказать объ этомъ другимъ пчеламъ!

И, подобравъ лапками крылышки и поправивъ на себѣ чепецъ, она со всѣхъ ногъ побѣжала туда, гдѣ работали пчелы.

На слѣдующій день, вечеромъ, увидавъ, что всѣ пчелы задремали, царица отправилась къ ячейкамъ, чтобы убить принцессу. Она съ опасеніемъ оглянулась по сторонамъ, а затѣмъ отворила дверцу въ первую ячейку. Но въ эту самую минуту всѣ пчелы, которыя только притворились, что спятъ, бросились къ царицѣ, окружили ее со всѣхъ сторонъ, схватили ее за лапки и за крылья и оттащили ее прочь.

— Что это? воскликнула она. — Заговоръ, возмущеніе?

— Нѣтъ, почтительно отвѣтили онѣ ей, — но мы узнали, что ты хочешь убить нашихъ принцессъ, и рѣшили тебѣ въ этомъ помѣшать.

— Оставьте меня! воскликнула царица и попыталась отъ нихъ освободиться. — Я ваша царица и имѣю право дѣлать все, что хочу!

Но пчелы держали ее крѣпко и старались вывести ее вонъ изъ

улья. Когда онѣ вывели ее на воздухъ, то предоставили ей полную свободу. — Лучше улетай отсюда совсѣмъ! сказали они ей.

Царица дрожала отъ гнѣва.

— Вѣроломныя! кричала она. — Вы не достойны, чтобы я управляла вами. Больше я не желаю оставаться съ вами ни на одну минуту. Я устрою себѣ новое государство, гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, и постараюсь о васъ позабыть. Кто изъ моихъ прежнихъ подданныхъ еще вѣренъ мнѣ и желаетъ меня сопровождать?

Нѣсколько сотъ старыхъ пчелъ заявили, что не оставятъ своей царицы никогда и желаютъ летѣть вмѣстѣ съ нею, что-бы ни случилось, вылѣзли изъ улья и, расправивъ крылья, улетѣли вмѣстѣ съ ней подальше отъ своего прежняго жилища.

— Теперь у насъ больше нѣтъ царицы, вздохнули оставшіяся пчелы. — Давайте скорѣе какъ можно больше кормить нашихъ принцессъ, чтобы онѣ выросли!

И онѣ стали таскать къ принцессамъ медъ, а принцессы стали поѣдать его и вдругъ за одинъ день сразу выросли, располнѣли и стали между собою браниться и ссориться. Объ маленькой личинкѣ такъ никто и не вспомнилъ.

На слѣдующее утро принцессы, всѣ десять, вышли изъ своихъ ячеекъ. Всѣ онѣ были такого же роста и такъ-же красивы, какъ и

прежняя царица. Пчелы обступили ихъ со всѣхъ сторонъ и стали ими восхищаться.

— Трудно сказать, говорили онѣ, — какая изъ нихъ лучше всѣхъ!

— Это я! отвѣтила одна изъ нихъ. — Я красивѣе всѣхъ!

— Нѣтъ, я! воскликнула другая и больно ужалила ее своимъ жаломъ.

— Вы обѣ ошибаетесь, заявила третья. — Это я красивѣе всѣхъ!

Тогда всѣ десять зажуужжали въ одинъ голосъ и стали драться. Пчелы хотѣли было ихъ разнять, но старая надзирательница помѣшала имъ.

— Оставьте ихъ, сказала она. — Пусть онѣ дерутся. Такъ надо. Нами должна править самая сильная изъ пчелъ. Мы увидимъ, какая изъ нихъ окажется сильнѣе всѣхъ, и ту и выберемъ себѣ въ царицы. Вѣдь больше одной царицы мы имѣть не можемъ.

Всѣ пчелы собрались въ кружокъ и стали глядѣть на драку. Она продолжалась долго и принцессы дрались съ остервенѣніемъ. Оторванные лапки и крылышки отъ нихъ залетали въ воздухъ и черезъ нѣсколько времени восемь принцессъ уже было убито и лежало на днѣ улья. Двѣ другія еще продолжали драться. Одна изъ нихъ потеряла въ дракѣ оба крыла, а другая не досчитывала на себѣ четырехъ лапокъ.

— Какая некрасивая и жалкая будетъ у насъ новая царица, сказала одна изъ глядѣвшихъ на драку пчелъ. — Лучше-бы намъ было не прогонять нашей прежней царицы.

Но едва она успѣла произнести эти слова, какъ обѣ принцессы такъ стремительно набросились одна на другую, что обѣ пали мертвыми.

— Какое ужасное событіе! закричали въ страхъ сразу всѣ пчелы. — Какъ-же мы теперь будемъ безъ царицы? Вѣдь мы погибнемъ!

И въ испугѣ онѣ забѣгали по улью, ножки у нихъ задрожали, онѣ всплескивали своими лапками отъ страха и восклицали:

— Что теперь съ нами будетъ? У насъ больше нѣтъ царицы! Какъ теперь мы будемъ жить?

Въ отчаяніи онѣ бѣгали по улью и не знали, что дѣлать. Но болѣе старыя изъ нихъ и болѣе мудрыя забились въ уголокъ и стали держать совѣтъ. Много было высказано ими мнѣній но все оказалось не подходящимъ. Тогда старая надзирательница попросила слова. Ей позволили говорить.

— Не далеко отъ ячеекъ принцессъ, сказала она, — живетъ какая-то маленькая личинка. Она моложе всѣхъ. Но по ея поведенію я заключаю, что изъ нея должна выйти тоже принцесса и къ тому-же съ большимъ характеромъ. Это она первая сообщила мнѣ о

томъ, что старая царица соби-
лась убить принцессъ. Давайте
выберемъ ее!

Тогда всѣ старыя пчелы въ тор-
жественной процессіи отправились
прямо къ той ячейкѣ, гдѣ сидѣла
маленькая личинка. Старшая над-
зирательница вѣжливенько посту-
чалась къ ней въ дверку, тихонько
пріотворила ее и заглянула въ
нее. Маленькая личинка уже была
большой. Надзирательница пере-
дала ей рѣшеніе пчелъ. Увидѣвъ
вокругъ себя почтительные взоры
и массу меду, который теперь ей
уже позволялось ѣсть сколько
угодно, личинка сразу-же поняла,
что это предложеніе было серьезно.

— Я-же тебѣ говорила, что буду
царицей! отвѣтила она надзира-
тельницѣ,—вотъ и стала. А ты не
хотѣла мнѣ вѣрить!

Надзирательница виновато опу-
стила голову.

— Но вѣдь ты сидѣла въ об-
щихъ сотахъ, сказала та,—и я ду-
мала, что ты простая пчела, а не
матка. Кто-же зналъ, что ты ро-
дилась изъ крупнаго яичка?

— Я прощаю тебя! сказала но-
вая царица.—Принеси мнѣ меду!

Всѣ пчелы засуетились около
нея, стали ее кормить и ухажи-
вать за ней, все время оставаясь
передъ ней лицомъ и не повора-
чиваясь задомъ. Черезъ два-три

дня она выросла большая и стала
еще лучше и сильнѣе, чѣмъ была
ея старая предшественница.

А старая царица, вылетѣвъ изъ
улья вмѣстѣ со своими привержен-
цами, долетѣла до ближайшаго де-
рева и сѣла на сучокъ. Всѣ ея
пчелы уцѣпились за нее и цѣлой
шпалкой повисли на суку. Это уви-
дѣлъ крестьянинъ. Онъ побѣжалъ
къ дереву, разостлалъ подъ суч-
комъ платокъ и стряхнулъ въ него
всѣхъ пчелъ.

— Ага, сказалъ онъ,—здѣсь и
царица! Это хорошо! Теперь у
меня будетъ новый улей!

Онъ завязалъ платокъ за четы-
ре угла и понесъ пчелъ къ себѣ
на пасѣку, точно это были не на-
сѣкомья, а ягоды или крупа.

Прійдя къ себѣ, онъ досталъ но-
вый улей, ссыпалъ въ него пчелъ
изъ платка и закрылъ улей со
всѣхъ сторонъ мѣшкомъ.

— Пускай привыкнутъ къ новой
квартирѣ! сказалъ онъ.

А пчелы увидали себя въ новомъ
царствѣ и принялись въ немъ
устраиваться навсегда.

— Ну, слава Богу! съ облегче-
ніемъ сказала старая царица.—
Теперь, значить, и у меня будетъ
свое собственное новое государ-
ство!

И изъ одного улья стало два.

Съ датскаго изъ К. Эвальда.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Названія какихъ домашнихъ животныхъ заключаются въ слѣдующихъ фразахъ:

1. Скоро вамъ праздновать: черезъ полторы недѣли зажгутъ елку съ игрушками.

2. Въ деревенской лавкѣ продаются: рожь, овесъ, просо, бакалейные товары, чай, сахаръ, гвозди и деготь.

3. По рѣкѣ плыли ловцы съ сѣтями и ловили рыбу.

4. Въ нашемъ уѣздѣ много селъ и деревень.

5. Послѣ смерти матери и отца дѣти были брошены на произволь судьбы.

6. Такъ далеко шкатулка съ деньгами была спрятана, что ее никто не могъ найти.

7. Такъ высоко залетѣлъ змѣй, что его даже не было видно.

8. Была у учителя такая масса учениковъ, что онъ едва справлялся съ ними.

II.

ШУТОЧНЫЕ ВОПРОСЫ.

1. Зачѣмъ нѣкоторые люди обѣдаютъ не дома, а въ ресторанахъ?

2. Почему дѣти любятъ кататься зимой на конькахъ?

3. Почему необходимо учиться, чтобы быть образованнымъ человекомъ?

4. Что очень похоже на апельсинъ?

5. Какъ назвать пять дней недѣли подрядъ, не упоминая ихъ именъ, т. е. не говоря „понедѣльникъ, вторникъ, среда“ и т. д.?

III.

Задуманное слово состоитъ изъ девяти буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. буквы 5. 2. 3. 2. 6. 7. 6. 9. означаютъ соленое мясо, 3. 7. 8. 2.—то, что есть только у людей, 5. 4. 3. 2.—большую деревню, 3. 2. 5. 2. 5. 7. 6. 9.—рыбу, 5. 9. 6. 7.—то, безъ чего нельзя обойтись зимой, 3. 7. 5. 7. 8. 9.—пушного звѣря, 1. 2. 5. 9.—украшеніе дѣвушекъ, 2. 1. 6. 2.—то, безъ чего трудно жить въ комнатѣ.

Отгадать всѣ эти слова и задуманное слово, которое означаетъ названіе стариннаго экипажа.

IV.

Задуманы три слова, изъ первыхъ слоговъ которыхъ должно составиться названіе города на сѣверо-западѣ Россіи. Если откинуть эти первые слоги, то изъ задуманныхъ словъ получится:

1. Отъ перваго—то, что помогаетъ всѣмъ тварямъ и человѣку двигаться.

2. Отъ втораго—то, во что наливаютъ воду, керосинъ и проч.

3. Отъ третьяго—лицо.

Въ цѣломъ-же видѣ эти задуманные слова означаютъ: 1. первое—рыбу, похожую на змѣю; 2. второе—растеніе, которое вялятъ и жгутъ, и 3. третье—то, что употребляется въ фонографѣ и въ машинахъ.

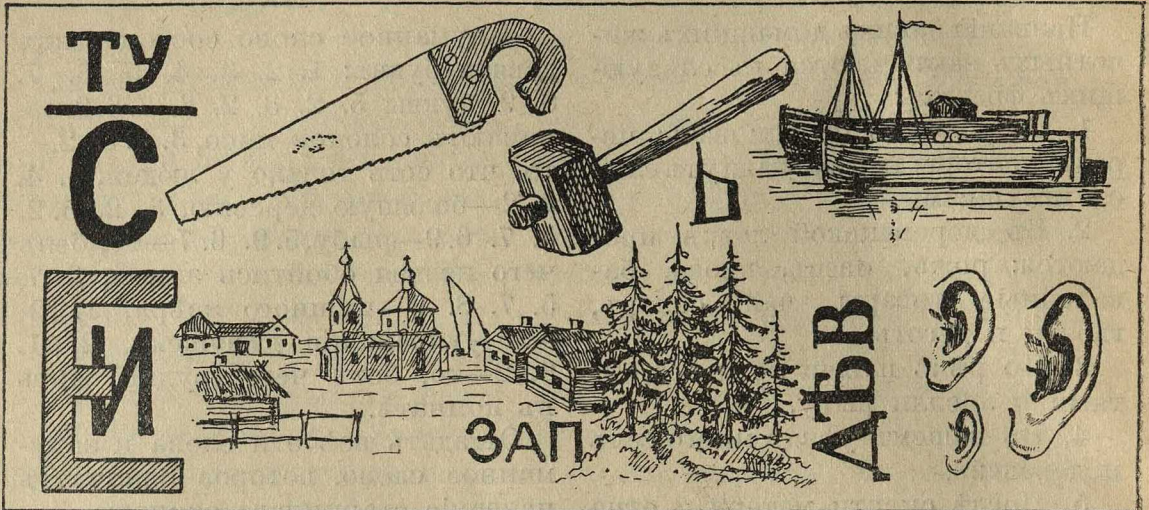
Какія это слова и какой городъ задуманъ?

V.

Что находится въ срединѣ земли и въ самомъ началѣ моря и чѣмъ кончается Волга?

Ребусъ № 20.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки или ребусъ, будутъ напечатаны).

Рѣшеніе головоломокъ и ребуса № 18, помѣщенныхъ въ № 17 „Золотою Дѣтства“.

Головоломки: I., колба + са, папа + ха, Гага + ра = Сахара. II. За столомъ сидѣли четверо: прабабушка, бабушка, мать и дочь. III., Тополь, сталь, лань, осина, лапти, локоть, нитка, носилки = Константинополь. IV. Я + блок (яблоко), ... гру + ша (груша), ... ды + ня (дыня), пер-

си + къ (персикъ), ... мали + на (малина), а + на + насъ (ананасъ), клубни + ка (клубника), ... черни + ка (черника), ... сли + ва (слива), ... ты + ква (тыква). V., Калуга, галка.

Ребусъ. Ча + сто + чело + вѣкъ + до + б + ива + етс + ягода + ми + ц + ели + ему + въ + овсѣ + нен + уж + ной = Часто человекъ добивается цѣли ему вовсе ненужной.

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

за 1914 годъ

въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ — **4 рубля** за экзempl. со всѣми приложеніями. За пересылку въ Европейской Россіи и на Кавказъ — **45 коп.**

Высылается наложен. платежемъ.

Адресъ Редакціи: Петроградъ, Каменноостровскій, 26.

Журналъ за 1915 г. разошелся весь.

ТРИ КНИГИ за 1 руб. 60 к.

съ пересылкой:

1. „Дружокъ и Дожка“.
2. „Въ хеволѣ“.
3. „Англійскія сказки“.

Выписывать можно **открытымъ письмомъ** изъ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, Петроградъ, Каменноостровскій просп., 26.

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

130 St. George Street, Toronto, Ontario, Canada M5S 1A5

Acquired from the University of Toronto

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY
130 St. George Street, Toronto, Ontario, Canada M5S 1A5

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY
130 St. George Street, Toronto, Ontario, Canada M5S 1A5

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY
130 St. George Street, Toronto, Ontario, Canada M5S 1A5

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

художественно-литературный журналъ
для дѣтей (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Выходить два раза въ мѣсяць (24 въ годъ номера).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Журналъ отличается внѣшнимъ изяществомъ и тщательно подобраннымъ содержаниемъ. Давая подписчикамъ въ 1915—1916 году цѣлый рядъ интересныхъ приложений, редакция задалась цѣлью доставить имъ полезныя и разумныя занятія и развить въ нихъ вкусъ ко всему изящному.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы шарады, и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложения въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно выбранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
- 12 КАРТИНЪ для украшенія дѣтской.
- 12 ИГРЪ для дѣтей.
- 24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (домики, мебель, экипажи и проч. и проч.).

Особое приложение для годовыхъ подписчиковъ:

Книга съ иллюстраціями:

„БРАТЪ И СЕСТРА“.

Книга эта будетъ прочтена дѣтьми не разъ съ захватывающимъ интересомъ.

Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, приучающимъ ихъ ориентироваться въ царствѣ смекалки.

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности «Золотое Дѣтство» является однимъ изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ въ Россіи.

Ученныя Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущены къ выпискѣ во учебныя библіотеки городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой
на годъ 4 р. 80 к., на полгода—2 р. 40 к.

Адресъ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», Петроградъ,
Каменноостровскій проспектъ, 26.

4 р. 80 к.

За перемѣну адреса—28 копѣекъ марками. Перемѣнять адресъ можно простымъ письмомъ.

Не забудьте сообщать при этомъ и старый Вашъ адресъ.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.